

**О статусе археологии как исторической науки
(ключевые аспекты в мультидисциплинарном контексте)**

Елдос М. Кариев^{1*}, Дана Б. Самратова²

¹*Международный университет «Астана», Нур-Султан, Казахстан*

²*Государственный историко-культурный заповедник-музей «Берел», Жамбыл, Казахстан*

***Автор для корреспонденции: eldos.82@mail.ru**

¹<https://orcid.org/0000-0003-0781-7497>

²<https://orcid.org/0000-0002-9332-755X>

DOI: 10.32523/2616-7255-2022-139-2-51-75

Аннотация. Как мы знаем, археология прошла достаточно долгий и тернистый путь от термина, которым обозначалась полумифическая ранняя история и отрасли античного искусства в новое время до академической дисциплины истории со своей источниковой базой, методологией, методикой и прочими неотъемлемыми атрибутами полноценной научной единицы. С интенсификацией развития любой гуманитарной и не только науки закономерными являются процессы и тенденции необходимости конкретизации ее статуса в кругу науки, пересмотра ее парадигмы и фундаментальных положений – цели, задач, предмета, объекта и иного основополагающего в силу изменений насущных требований, прогресса методологии, расширения предметного поля и много другого. Не исключением является и археология – на данный момент в академической среде археологов все чаще ставится вопрос о пересмотре статуса археологии или как минимум определения конкретной позиции археологии в кругу исторической науки, вплоть до выделения ее в самостоятельную единицу. В представленной вниманию статье осуществлена попытка анализа статуса археологии, ключевых моментов возможной смены парадигмы, степень значимости междисциплинарности археологических исследований, т.е. рассматривается вопрос – может ли фактор тесной интеграции археологии с естественными науками быть решающим в ее выделении из круга гуманитарных дисциплин. Немаловажным в связи с этим является сам аспект восприятия и трактовки археологии материнской на данный момент наукой – историей, по этой причине совершается попытка определения отношения исторической науки к археологии в контексте оценки вероятности ее дифференциации. Основным отличием освещения последнего аспекта является то, что наряду с научным мнением ученых-археологов рассматривается точка зрения представителей самой исторической науки, в том числе с позиции возможного отторжения археологии с ее стороны, вследствие потенциальных разногласий в вышеотмеченных краевых научных аспектах. Авторы приводят собственное видение статуса археологии в кругу исторических дисциплин и наряду с другими важными выводами приходят к заключению о необходимости произведения теоретико-методологических разработок с учетом региональных и других особенностей той или иной географической области, страны и т.д.

Ключевые слова: теоретическая археология; статус; смена парадигмы; междисциплинарность; историческая наука; восприятие и трактовка.

Received 14 March 2022. Revised 18 April 2022. Accepted 23 May 2022. Available online 30 June 2022.

For citation:

Kariyev Y.M., Samratova D.B. On the status of archaeology as a historical science (key aspects in a multidisciplinary context) // Bulletin of the L.N. Gumilyov ENU. Historical sciences. Philosophy. Religion Series. 2022. – Vol. 139. – №. 2. – С. 51-75. DOI: 10.32523/2616-7255-2022-139-2-51-75

Для цитирования:

Кариев Е.М., Самратова Д.Б. О статусе археологии как исторической науки (ключевые аспекты в мультидисциплинарном контексте) // Вестник ЕНУ им. Л. Гумилева Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение. – 2022. – Т. 139. – №. 2. – С. 51-75. DOI: 10.32523/2616-7255-2022-139-2-51-75

Введение

В рамках заявленной темы первым делом хотелось бы рассмотреть вопрос возможной смены парадигмы и в качестве введения будет целесообразным обратиться к философии науки для оценки вероятности ее научной конверсии в археологии.

Термин «парадигма» введен в философию науки американским ученым Томасом Куном и заимствован из грамматики; в его понимании это комплекс общепризнанных достижений той или иной науки, на основе которых на протяжении определенного периода основывается модель постановки и решения проблем (Кун, 1977: 11). Позже ввиду того, что под парадигмой науки ученые стали толковать отличающиеся от его суждений понятия, он начал использовать обозначение «дисциплинарная матрица» (Кун, 1977: 237-238). Не углубляясь в детализацию сказанного, ориентируемся на основные механизмы смены парадигмы по автору.

По Куну, есть несколько этапов функционирования и развития науки:

– первый – это этап до парадигмы, т.е. период становления определенной отрасли науки и первые шаги в выработке собственной парадигмы;

– второй – это фаза «нормальной науки», или период доминирования

общепринятой парадигмы, посредством

которой решаются и объясняются возникающие аномалии той или иной науки;

– третий – это период кризиса «нормальной науки», когда аномалии уже необъяснимы или считаются необъяснимыми парадигмой доминантой, и появляются альтернативные теории и ее адепты, предлагающие новые, на их взгляд, более функциональные парадигмы;

– четвертый – это научная революция, когда одна парадигма сменяет другую (Мирошниченко, Шарый, 2017: 195).

Весьма интересно, что процессы появления и смены парадигмы, наряду с весомыми научными доводами, объяснимы простыми примерами оптических иллюзий, когда в том или ином изображении можно узреть два образа или персонажа, и это аллегорически передает то, что разные парадигмы не в состоянии прийти к единому согласованному мнению (Кун, 1977: 151-156). Рост числа последователей той или иной парадигмы, по Куну, основывается на простой вере в ее истинность, без убеждения и доказательств (Кун, 1977: 195). И Кун, основываясь на мысли М. Планка, считает, что смена парадигмы происходит не в силу доказательства истинности одной и ошибочности другой, а элементарно в

результате физического ухода представителей старой и доминирования поколения адептов новой (Кун, 1977: 199-200).

Укладывается ли археология в приведенные этапы развития науки? Однозначно, да – есть допарадигмальный период, имеется этап относительного единения научных взглядов, и на текущий день, в зависимости от состояния науки той или иной страны или части света, мы имеем возможность наблюдать определенный кризис в парадигме археологии, который может привести к ее смене. И тут важен вопрос – можно ли считать тенденции к кардинальному пересмотру места и статуса археологии в поле исторической науки аномалией, ведущей к научной революции? Тоже да – ее вывод из сферы истории, безусловно, возможен лишь при смене парадигмы.

Теперь посмотрим на возможности и на имеющиеся место зачатки процесса научной революции в археологии по некоторым отдельным регионам мира.

Материалы и методы

В общем, можно отметить, что на данный момент имеется несколько основных направлений развития современной археологии – традиционная археология, как часть исторической науки, процессуальная археология и ряд ее ответвлений.

Первая доминирует в пределах Евразии, в том числе и на постсоветском пространстве. Ряд научных теорий, возникших внутри нее, предпринимают попытки отделиться в отдельную структуру или перейти под патронат других отраслей и дисциплин науки. Одним словом, под влиянием вышеназванных американских научных течений и на основе специфики археологических источников адепты этих теорий склонны к дифференциации археологии от истории и, соответственно, к смене ее парадигмы. Это, в первую очередь,

идеи Л.С. Клейна о чуждости археологии истории и о соотношении ее к источниковедению. Как мы уже отмечали, эта теория на данный момент превалирует в российской археологической науке, и это произошло в точности, как высказал Т. Кун, цитируя М. Планка – ушли его оппоненты, и в силу общей распространенности и легкой доступности его работ теория доминирует и ведет к смене парадигмы. Можно даже предположить, что Л.С. Клейн, прекрасно знакомый как с трудами М. Планка, так и с работами Т. Куна (Клейн, 2011: 350), это и предполагал, вкладывая все свои силы в издание и широкое распространение фундаментальных трудов в последние десятилетия.

Казахстанская археология, безусловно, все еще находится в орбите традиционной и переживает этап «нормальной науки». Причина этого, по всей видимости, в том, что ученые осознают оптимальность данного толка археологии для реалий истории и культуры страны, но также немаловажную роль играет и то, что у нас практически отсутствуют теоретическая археология и исследования все еще осуществляются в инерционном потоке традиционной археологии, истоки которой берут начало в советском периоде. Как бы там ни было, это не гарантирует полной безопасности отечественной археологии от новомодных влияний, учитывая усиливающуюся интеграцию с археологией западных стран и тесные связи с наукой соседней России. Наша наука в один день может быть поставлена перед фактом срочного перевода археологии в сферу антропологии или, как минимум источниковедения, с механической сменой парадигмы, без учета реалий и местной специфики. Во избежание этого необходимо развивать сферу теоретико-методологических разработок и активно включаться в процессы мировой теоретической археологии.

Процессуальная археология и ее ответвления господствуют в археологии

США и оказывают активное влияние на науку других частей света. На наш взгляд, согласно специфике археологии Нового Света, которая изначально была отнесена к антропологии, их подходы в исследовании собственных археологических источников не ведут к смене парадигмы, а лишь к трансформации и модернизации методологии и методов археологического исследования. Другое дело, когда они пытаются проецировать свои идеи на другие части света, где использование их парадигмы мало эффективно, так как исследовать в рамках антропологии локальные культуры, которые полноценно дополняемы данными нового и новейшего времени (взять хотя бы поведенческую археологию – этнографические и социологические исследования культуры и быта индейцев в естественной среде могут быть краеугольной основой составления профиля древнего американца) – это рационально, а вот пытаться это сделать там, где по историческим меркам слишком часто происходила полная смена всей второй реальности и ее создателей, как минимум, нецелесообразно. Если идеи американской археологии будут приняты в мире, то это и будет настоящей научной революцией, кардинальной сменой парадигмы. Более чем очевидно, что «новая археология» и возникшие на ее основе направления набирают все большую популярность, и, если согласиться с Т. Куном, смена парадигмы археологии вполне вероятна, и это произойдет не на основе правоты и рациональности их взглядов, а в силу роста числа их сторонников. Это, безусловно, субъективно, но более чем реально, и единственный метод защиты – стоит обратить внимание на обоснование и популяризацию объективной для археологии той или иной страны парадигмы среди молодого поколения ученых.

Однако, это не значит, что мы должны воспринимать методологию и методику новых веяний в археологии в штыки и

относиться к ним с позиции радикальной конфронтации. Многие теоретико-методологические наработки «новой археологии» могут с определенной степенью адаптации и с оглядкой на региональную специфику использоваться при исследованиях древней, средневековой и современной культуры Казахстана. Тем более что есть немало аспектов, способствующих этому – традиционное хозяйство, которое находит прямые исторические аналогии как минимум до эпохи бронзы, и тесно связанный с ним культурный мир казахского народа. Одним словом, пользуясь данными этнографической современности и текущего дня, мы имеем достаточно обширные возможности для попытки реконструкции поведенческой системы и психологии древних насельников Казахстана, но подчеркнем – отдельные возможности применения исследовательских методов и методологии не дают оснований к смене парадигмы археологии.

Продолжая мысли в русле заявленной темы, отметим, что основное число ученых в исследовании вопросов историчности археологии опираются на теоретико-методологические разработки археологии и в большинстве случаев оставляют без внимания позицию непосредственно исторической науки и профессиональных историков, разве что за исключением начального периода развития археологии, когда нередко ученые были универсалы истории и археологии.

Обсуждение

Общее представление о позиции представителей археологического сообщества касательно предмета и объекта археологии, проблем соотношения с исторической наукой и о другом не менее важном можно почерпнуть из ряда сравнительно новых трудов, к примеру, из историографического обзора украинского

ученого С.В. Палиенко (Палиенко, 2020), из статьи английского ученого С.Д. Лич о методологической природе археологии (Лич, 2020), из статьи польских исследователей Залевска и Цынгот о теоретических разработках Л.С. Клейна (Zalewska, Cyngot, 2020), в которых достаточно подробно приводится история и результаты полемик, дискуссий и основные научные направления и исследователи теоретической археологии в орбите указанных проблематик. Из других последних трудов стоит отметить также статью А.В. Евглевского, где лаконично передана позиция сторонников источниковедческой природы археологии (Евглевский, Говорун, 2018). Ниже более подробно остановимся на этом.

Обзор исторической теоретико-методологической и источниковедческой литературы показывает, что позиция ученых-историков и философов истории в восприятии и трактовке археологии и ее материалов также не столь однозначна, в целом в исторической науке фиксируются следующие точки зрения:

– как вспомогательной исторической дисциплины (ВИД) и части источниковедения, это имеет место и на заре становления науки (Большаков, 1922), и на современном этапе, причем не только в самой истории, но и в археологии. Представители этой трактовки, в основном бытовавшей в начале XX века, когда только происходило академическое становление археологии, считали, что ее предназначение – это сугубо вещеведение, а историческую информацию из образцов материальной культуры могут и должны вычленять только историки. Это, в частности, ясно прослеживается по работам российского историка Н.И. Кареева, который однозначно отводит археологии роль ВИД и раздела источниковедения, полагая, что разработки, которые шире физических свойств вещей, принадлежат компетенции истории (Кареев, 2010: 380-382). Касательно принадлежности археологии к ВИД – в

условиях современного уровня ее развития, это однозначно ошибочно, так как содержание и влияние археологии гораздо шире дисциплины вспомогательного характера; более того, она обладает полным доминированием в исследовании древних эпох и значительным весом в изучении средневековой, новой и даже новейшей истории (этноархеологические изыскания) определенной части мира, где сама историческая наука зачастую играет роль ВИД. Осуществлять исторические реконструкции на основе вещественных источников в силах только археологи, за очень редким исключением историки лишь получают готовые выводы. Да, бесспорно, археология имеет самое непосредственное отношение к источниковедению, но не ограничивается ею, так же, как и история; если следовать логике соотнесения по значению источников, то можно и последнюю попытаться включить в источниковедение;

– как дисциплины исторической науки (ДИН), т.е. как полноценную отрасль истории со своим объектом исследований, однако и здесь подчеркивается определенный дополняющий или подсобный характер археологии через общую трактовку понятия ДИН (Румянцева). Если не обращать внимания на это, то сказанное наиболее близко к содержанию и потенциалу археологии. Вероятно, выражаемая подчиненность археологии в коей-то мере влияет на желание некоторых ее представителей отделиться в независимую науку, так как они считают, что их исследования не дополняют, а творят историю на основе вещественных источников. Здесь мы имеем дело с практически тупиковой ситуацией – признавая историчность своих исследований, выступать против принадлежности к исторической науке – это, по крайней мере, нонсенс. Итоговые выводы по этому вопросу сформулируем в течение и в заключение данного раздела;

– как специальной исторической

науки, наряду с источниковедением, исторической географией, историографией и этнографией, по мнению ученых, эта точка зрения перекликается с позицией отнесения археологии к источниковедению и к вспомогательным наукам, ранг которых несколько выше, чем у ВИД (Гражданников, Фелингер, Холюшкин, 1989: 5);

– как отрасли антропологии, со своими источниками, специальной методологией и методикой исследований (Подзюбан, 2014: 33-43).

Первые три представленные трактовки археологии характерны для европейской и постсоветской науки, и их объединяет то, что они в том или ином понимании считают археологию неотделимой частью исторической науки.

Последнее определение присуще американской археологии и последователям американских научных школ в разных частях мира.

Почему безоговорочная принадлежность археологии к исторической науке в пределах по крайней мере Евразии и постсоветского пространства стала аксиоматичной в представлениях ученых и широкой общественности, и почему это оспаривается некоторыми учеными, в первую очередь, профессиональными теоретиками археологии? Насколько логично определение археологии к антропологии американской и других наук? Все-таки что ближе к истине? Обратимся, прежде всего, непосредственно к понятию источника в исторической науке в призме восприятия специфики материальных свидетельств.

Бытует ряд вариаций трактовки понятия исторический источник, и все они в основе своей однозначно относят к категории исторических источников материальные памятники и артефакты. Рассмотрим некоторые формулировки классиков мировой исторической науки, профессиональных историков, историографов и источниковедов. К примеру, немецкий историк XIX века И.Г.

Дройзен считал, что исторические источники подразделяются на «остатки» и «предания»; в категорию остатков он включал широкий круг источников от материальных до документации административного характера, т.е. археологические материалы однозначно отнесены к историческому источнику и даже поставлены в один ряд с письменными источниками. Подобное видение места материальных источников прослеживается и в трудах последователей И.Г. Дройзена. Конечно, на текущий день такого рода формулировка практически устарела и не выдерживает критики, но, по мнению ученых, «рецидивы» все еще бытуют в исторической науке. Специфику материальных источников И.Г. Дройзен и его ученики видят в том, что они созданы в ходе исторического события и не дают повествовательную информацию – она получается из контекста путем логических построений (Данилевский, Добровольский, Казаков и др., 2015: 28-30). В трудах немецкого ученого можно четко проследить основы безапелляционной принадлежности археологии к истории, даже более того, они рассматриваются как одно целое, т.е. материальные свидетельства однозначно считаются историческими.

Английский историк XIX века Эдвард Фриман относит материальные свидетельства к группе монументальных исторических источников в категории вспомогательных (Данилевский, Добровольский, Казаков и др., 2015: с. 34). Вероятно, это можно считать началом восприятия археологии и ее источников как вспомогательной к самой истории дисциплины.

Классик российской исторической науки и археологии А.С. Лаппо-Данилевский выделил три категории исторических источников – памятники языка, памятники словесности и письменности, вещественные памятники (Тихонов, 2013: 116). В отличие от

историков, которые более склонны к оценке археологии как подсобной отрасли, А.С. Лаппо-Данилевский подчеркивал важность, незаменимость и первостепенность вещественных источников в реконструкции истории и их особое место в спектре исторических источников (Тихонов, 2013: 115-119). Сформулированное им понимание исторического источника (Данилевский, Добровольский, Казаков и др., 2015: 94) актуально по сей день и с некоторыми корректировками и дополнениями широко используется учеными.

Кроме вышеназванных ученых ближнего и дальнего зарубежья, в качестве примера понимания археологических материалов как исторических источников можно назвать классификации Л.Н. Пушкарева, который выделяет тип вещественных источников и понимает под ними широкую категорию памятников – от археологических материалов до личных предметов исторических личностей и вещей, имеющих отношение к событиям нового и новейшего времени (Пушкарев, 1975: 194, 195), О.С. Шмидта, в классификации которого археологические материалы рассматриваются в общей категории вещественных, наряду с образцами материальной культуры нового времени и современности (Шмидт, 1985: 21), И.Д. Ковальченко, однозначно включающего в четыре выделенные им категории исторических источников вещественные и считающего, что историческим источником может быть только материально зафиксированная информация (Ковальченко, 2003: 135, 136).

В качестве подведения итогов данного краткого обзора отметим, что современные российские источниковеды, в рядах которых такие известные в исторической науке ученые, как И.Н. Данилевский, О.М. Медушевская, В.Ф. Румянцева и др., на основе широкого историографического анализа считают, что в мировой науке в той или иной передаче, но в идентичной

смысловой нагрузке бытуют два определения исторического источника. Первое – это комплекс объектов, в содержании которого отражен исторический процесс и которые свидетельствуют о прошлом человечества (Данилевский, Добровольский, Казаков и др., 2015: 90), т.е. тут имеется в виду широкий круг явлений, от археологических памятников и письменных источников до природных факторов. Второе – *«исторический источник – обьективированный результат творческой деятельности человека / продукт культуры, используемый для изучения / понимания человека, общества, культуры как в исторической, так и в коэкзистенциальной составляющих»* (Данилевский, Добровольский, Казаков и др., 2015: 93, 94); это как раз и есть модернизированная мысль А.С. Лаппо-Данилевского и, по мнению исследователей, наиболее приближенная к объективности понимание исторического источника.

Историческая наука Казахстана также не отделяет археологию от истории, признавая за ней специфику источника, собственные методы исследований и самостоятельную научную парадигму. Отражение этого можно увидеть в трудах известного источниковеда и историографа казахской истории, д.и.н., профессора К.М. Атабаева, где отмечается роль и место археологических источников в истории Казахстана (Атабаев, 2002; 2007; 2011). Классик отечественного источниковедения считал археологию неразрывной частью исторической науки, ценил ее источниковедческий потенциал и сетовал, что в отечественной археологии практически отсутствует теоретическое направление, которое следует развивать в тесной связи с казахстанскими материалами. К слову, самим К.М. Атабаевым проделана колоссальная работа по источниковедению нашей страны именно с основой на материалы отечественной истории, и на основе своих

исследований ученых, основываясь на источники по истории Казахстана, выделяет следующие типы исторических источников: письменные источники – от этнографических данных до разного рода графологических документов; изобразительные источники, состоящие из образцов художества и произведений искусства широкого круга; устные источники – от современной разговорной речи до образцов вербального народного творчества, фоновые источники – музыка, песни, композиции и прочее: традиционно-обрядовые источники – традиции, ритуалы, суеверия и поверья, имеющие место в быту и в других сторонах жизни казахского народа, также практика устной генеалогии и, наконец, вещественные источники, которые включают в себя материальные памятники, от археологических объектов до образцов машин и техники поздних периодов. Также ученый отмечает наличие смешанных и синкретичных типов источников, которые могут содержать признаки всех названных типов (Атабаев, 2002: 26; 2011: 30).

Суммируя приведенные научные трактовки вещественного источника, становится очевидным, что в понимании историков археологические свидетельства соответствуют историческим – они есть результат культуры и творчества, используются для изучения человека и его общества во всех имеющихся смыслах. Специфика их в том, что они представлены материальными остатками и дают информацию контекстного характера, а история работает, в основном, с источниками, отражающими прямые сообщения.

Продолжая, почему американская наука относит археологию в научное поле антропологии? Корни этого следует искать в истоках развития этой науки на американском континенте. Связано это с деятельностью Бюро Американской Этнологии и с основанием антропологической школы Франца Боаса,

главной целью которых было исследование автохтонного населения Америки (Соффер, 1993: 213). Одним словом, американская археология изучает культуры индейцев, которые развивались локально и до прихода колонизаторов были на стадии каменного века, хотя и достигли возможного в условиях отмеченного периода пика развития, т.е. американская археология – это только археология эпохи камня. Она тесно связана с антропологией, этнологией, лингвистикой, так как изучает локальные культуры, дошедшие в изолированном виде до этнографической современности, и их история не превышает 15-25 тыс. лет (Bourgeon, Burke, Higham, 2017) – конец верхнего палеолита (по хронологии Евразии). По сути, американская антропологическая археология – это этноархеология. В определении археологии к антропологии в американской науке не последнюю роль сыграло однообразие в орудиях труда, которое привело к сложностям в периодизации археологических памятников и вынудило ученых основываться по большей степени на методы естественных наук, в первую очередь геологической стратиграфии (Фаган, ДеКорс, 2007: 72). Очевидно, что американский пример не подходит к Евразии – обширная территория с интенсивными и мощными миграционными процессами, как внутри континента, так и с охватом практически всех других частей земли, в том числе Америки (приход сюда людей по Берингову перешейку), антропогенез ее порядка 2 млн лет, огромный массив живых и мертвых культур, сложнейшая история социогенеза, этногенеза, религиогенеза и прочее. Однозначно, что все вышесказанное гораздо объемней рамок антропологии, этнологии и иных профильных направлений. Наверное, для расширения горизонтов следует весь комплекс гуманитарных дисциплин, вместе с самой исторической наукой, включить в состав антропологии.

Коротко говоря, пример Америки неприменим к подавляющей части археологии Евразии и не может служить прецедентом ее отделения от исторической науки.

Что касается науки нашего континента, то очевидно, что, за исключением определения конкретной позиции археологии в границах самой исторической науки и оценки важности ее источников, археологические материалы в той или иной трактовке исторического источника однозначно принимаются всеми историками как полноценная составляющая этого понятия, соответственно, археология рассматривается как часть исторической науки.

Может ли мультидисциплинарность археологических исследований быть аргументом в вопросе отделения археологии от истории и отнесения ее к кругу естественных наук? В этом свете кратко рассмотрим вопрос о статусе археологии в контексте междисциплинарности самой исторической науки.

Историческая наука, генерирующая в себе комплекс дисциплин самого разного характера и в ходе реконструкции процессов прошлого синтезирующая информацию из широкого круга источников, по своей сущности полидисциплинарная наука. Она органично совмещает в себе ряд дисциплин и направлений, в том числе и археологию (Жакишева, 2011: 30-31), которые, по большей части в своей основе, также междисциплинарные. Историческая наука на пути достижения своих целей и решения задач вступает в разного рода связи с самым широким кругом естественных и гуманитарных отраслей науки – биология, экономика, филология, психология, география, экология, химия, физика, математика, информатика и т.д. Это происходит как в процессе использования данных этих наук в исторических

реконструкциях, так и в ходе обработки своих источников. К примеру, информационный подход к обработке письменных исторических источников на основе цифровых и компьютерных технологий (Ковальченко, 1982: 341). Тесное взаимодействие истории с другими отраслями приводит к появлению новых синкретичных направлений, как историческая информатика, историческая антропология, историческая география, историческая психология и мн. др. И не удивительно мнение, что историческая наука, в силу своей междисциплинарности, стоит вне круга гуманитарных наук (Репина, 2004: 12).

Однозначно, что критерий мультидисциплинарности археологии не может быть доводом в обосновании необходимости отделения, а как раз наоборот.

В исторической науке также имеют место тенденции к пересмотру или модернизации парадигмы в силу расширения исследовательского поля и роста задач, не последнюю роль в этом играет и потребность во взаимодействии и интеграции со смежными и другими отраслями науки. Рассматривая все вышесказанное в системной связи, путем анализа внутреннего содержания и компетенции исторической науки ученые приходят к выводу, что она интегральная наука, в поле зрения которой события и результаты их исследований всех находящихся в ее поле дисциплин (Репина, 2004: 14). К схожим выводам приходят в своих исследованиях философ истории Е.В. Гражданников и археолог Ю.П. Холюшкин (табл. 1), тщательный системный анализ которых привел к результатам, что археология с письменной историей образуют основу исторической науки (в целях отделения от общей естественной истории ученые применяют термин «гуманитарная история»). Обе эти науки интегрированы друг в друга до такой степени, что взаимно замещаемы на

определенных хронологических этапах. Тандем письменной истории и археологии стоит над тройкой наук – этнография – источниковедение – филология, с каждой из которых они взаимодействуют согласно своей компетенции и на основе своих исследований. Они, органично дополняя друг друга, строят диахронную цепь прошлого – первобытная история, древняя история, история средневековья, новая и новейшая история. Справедливо отмечено, что нет четких границ перехода от археологии к письменной истории, для каждого региона она может быть индивидуальной, и в определенные периоды превалирует роль одной из них (Гражданников, Холюшкин, 1991: 112-113).

Таблица 1. Классификационная схема Е.Д. Гражданникова и Ю.П. Холюшкина

АРХЕОЛОГИЯ		ПИСЬМЕННАЯ ИСТОРИЯ			
ЭТНОГРАФИЯ		ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ		ФИЛОЛОГИЯ	
ЭТНОАРХЕОЛОГИЯ	ЭТНИЧЕСК. ИСТОРИЯ	ИСТОЧНИК ВЕЩЕСТВ. ПАМЯТНИКИ	ИСТОЧНИК ПИСЬМ. ПАМЯТНИКИ	ФИЛОЛ. МЕРТВЫХ ЯЗЫКОВ	ФИЛОЛ. ЖИВЫХ ЯЗЫКОВ
ИСТОРИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ					
ПЕРВОБЫТНАЯ ИСТОРИЯ	ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ	ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ	НОВАЯ ИСТОРИЯ	НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ	

Итак, как определяется статус археологии в контексте междисциплинарности, и какова его оценка с позиции исторической науки? Тут мы полностью согласны с мнением известного специалиста в области взаимодействия истории с точными науками – одного из основателей отечественной исторической информатики С.А. Жакишевой, что история – это комплексная наука-интегратор (Жакишева, 2011: 33-35), выше которой только трансдисциплинарные науки, как философия. А археология в составе супрадисциплинарной исторической науки – это самостоятельное междисциплинарное направление.

Казалось бы, все предельно ясно, корректно, логически верно, и нет никакого повода к каким-либо дискуссиям: археология – самостоятельное направление в составе науки-интегратора истории, и ее источники – однозначно исторические источники. Эти высказанные положения известны многим, и для непосвященного человека любые сомнения и т.д. кажутся излишними. Однако, как уже говорилось, в среде теоретиков археологии имеются и распространяются тенденции к пересмотру места археологии в системе науки. Рассмотрим это подробнее, но для начала остановимся на общих проблемах археологического источниковедения в контексте специфики источника и ряда

других важных вопросов.

По мнению ученых, с которым мы согласны, в археологическом источниковедении достаточно бесспорным является лишь то, что археологические источники – это материальные остатки прошлого и труды ученых в рамках их изучения. Выделяется три проблемных направления источниковедения археологии. Первое – это собственно проблема относимости археологических источников к историческим (Пучкова, 2001: 68), в свете того, что они представляют собой безмолвные материальные остатки, и в них нет прямого текстового сообщения. Второе – это специфика археологических источников, которая, по мнению исследователей, выражается в оценке их объективности; здесь мнение ученых разделяется – если одни считают, что вещественные свидетельства строго объективные, то другие обосновывают их субъективность (Пучкова, 2001: 69). Если смотреть с отмеченной позиции, что археологические источники – это материальные свидетельства и результаты их исследований, тут правы обе стороны, так как археологический артефакт может нести объективную информацию, а более широкие выводы на его основе исследователя могут быть субъективными. К примеру, найденные в ходе раскопок изделия, недвусмысленно указывающие на назначение, взять хотя бы мотыги со следами сработанности – они говорят о том, что люди, оставившие этот памятник, были знакомы с земледелием, и это объективная информация, но дальнейшая экстраполяция этого на весь хронологический этап, культуру или регион и умозаключения о характере всего хозяйства лишь на указанной основе, несомненно, имеют долю субъективности. Однако есть немало артефактов, предназначение которых неизвестно в силу выхода из употребления в настоящем и забвения, кроме фиксируемой разными методами информации о материале, о дате

и т.п., и большая часть интерпретаций будет субъективной. Сказанное отмечается, в частности, Л.С. Клейном, который считает главной спецификой археологического источника так называемый двойной разрыв (Клейн, 1978: 61): *в традициях* прошлого и настоящего, когда, допустим, забывается назначение той или иной вещи или утрачивается изначальная семантика в искусстве – это наглядно проиллюстрировано В.Т. Плахиным (Плахин, 1985: 24-25), *в объективации* – это разрыв между реальным содержанием артефакта и идеями ученого, которые возникли на его основе (Клейн, 1978: 61). Тогда как у источников других исторических дисциплин и самой истории, якобы, фиксируется всего лишь один разрыв, и это второй из приведенных, а первый отсутствует или не сильно выражен и преодолевается не так болезненно, как в археологии (Клейн, 1978: 61, 62). Кроме сказанного, к специфике археологических источников относится то, что они оставлены «мёртвыми культурами», которые больше не функционируют, и то, что археологический источник может быть прочитан всего лишь один раз (Пучкова, 2001: 69, 70). И, наконец, третье – это проблемы взаимодействия с источниками естественных и точных наук (Пучкова, 2001: 70). Здесь следует назвать дискуссионные результаты статистико-комбинаторных исследований в археологии, корректность данных, уже отмечавшихся, процессуальной археологии и ее «дочерних» направлений, базирующихся на антропологии, лингвистике, этнологии и психологии, объективность итоговой информации по датированию методами физики, биологии и геологии, корректность методов географии и химии в археологии и многое иное.

Очевидно, что основные проблемы археологического источниковедения концентрируются вокруг ключевого вопроса об историчности источников археологии и ее принадлежности к

исторической науке. Теперь перейдём к конкретным позициям ученых-археологов в понимании места археологии в системе науки.

Уже не раз упомянутый гигант мировой теоретической археологии, Л.С. Клейн считает, что археология, хоть и служит интересам истории, она вообще ей «не родственна» по природе и более соотносима с источниковедением, вспомогательными историческими дисциплинами, близка естественным наукам и даже по своей сути является криминалистикой, аргументируя это тем, что у археологии и истории разные задачи. Археология лишь приносит сырой материал для истории, и по предмету и объекту, а также методике исследований кардинально отличается от исторической науки, утверждая, что археология по своим методам и образу действий – это «следователь», а история – «судья» (Клейн, 2012: 5, 6), т.е. археология лишь добывает материалы, если говорить языком юстиции – доказательную базу, а вердикт выносит история.

При всем уважении, во-первых, не вполне понятна логика ученого, когда он в категорическом тоне говорит о «не родственности» археологии и истории, отнеся первую к источниковедению, хотя близость (если говорить языком ученого, «родственность») истории и источниковедения более чем очевидна, и последняя не то что «родственна», а является краеугольной основой истории. То же самое касается и ВИД, которые, безусловно, не чужды истории. Очевидно, что ученый имел в виду более родственна источниковедению, чем истории. Однако, читая запелляционные утверждения ученых о сугубо источниковедческой природе археологии и чуждости истории, может создаться впечатление, в особенности у неискушенного читателя, что источниковедение – это некая далекая от истории наука из категории астрофизики и т.п.

Во-вторых, касательно роли археологии как поставщика материалов или сборщика доказательств, С.А. Васильев (Васильев, 2013: 696) справедливо отметил, что оценка синтезирующей роли истории слишком преувеличена, и не существует синтезирующих (*выносящих вердикт* – прим. Моё) историков – все археологические материалы от А до Я обрабатываются археологами, они и собирают базу, они и выносят вердикт. К тому же, как верно подметил украинский ученый С.В. Смирнов, разделение одного материала между двумя дисциплинами ведет к нарушению их взаимосвязи (Палиенко, 2020: 37). Разделив одну задачу между историей и археологией, используя аллегорию самого Л.С. Клейна, мы «рассечем кентавра», и получится у нас половина коня и половина человека, т.е. нечто неполноценное. То, что археология гораздо шире источниковедения и иных прикладных дисциплин, достаточно убедительно обосновывает и Я.А. Шер, который также подчеркивает неясность того, как точно понимает Клейн источниковедение (Шер, 2004: 121-123).

В-третьих, следует признать, что мнение о близости археологии и криминалистики не лишено логики, но эта схожесть больше механического и процедурного характера – метод эксгумации, фиксация места события, экспертизы, трасология орудий и иные лабораторные исследования. Первая служит юстиции и правопорядку, зачастую ограничена в своих изысканиях одним конкретным эпизодом, телом или максимум серией периодических или аналогичных преступлений, могущих не иметь между собой ничего общего, тогда как археология ставит перед собой более широкие задачи в значительных географических, хронологических и иных масштабах, где все в той или иной степени взаимосвязано в территориальном, во временном и иных аспектах, со сложной системой межпериодных и транзитных

связей. Криминалист строго фиксирует материал и передает результаты эксгумации, лабораторных и других исследований уполномоченным лицам, а археолог, если уж продолжать в заданном духе, это сотрудник оперативных служб и сил быстрого реагирования, он и эксперт-криминалист, и одновременно агент-аналитик отдела поведенческого анализа, а также следователь и судья в одном лице.

Можно констатировать, что доводы Клейна не вполне убедительны в отделении археологии от истории и в основном перекликаются с вышеуказанным мнением ученых-историков первой половины XX столетия о принадлежности археологии к историческому источниковедению, и, видимо, именно в них следует искать их корни.

Понимание Л.С. Клейном археологии как источниковедения в советской и постсоветской археологии разделяются В.С. Бочкаревым, Г.С. Лебедевым (Палиенко, 2020: 39), А.В. Евглевским, В.М. Аниковичем. Последний ученый указывает, что пришел к этому выводу другим путем и не является последователем Клейна (Евглевский, Говорун, 2018: 291; Аникович, 2010: 9, 10).

В пределах научного сообщества дальнего зарубежья археологию относят к источниковедению немецкие ученые Г. Булле, Г. Нимейер, американские археологи И. Роуз (Клейн, 2004: 44) и П. Курбен (Холюшкин, 2006: 7).

Также в контексте прикладного характера археологии и отнесения к источниковедению существует мнение о принадлежности археологии к категории ВИД, это можно проследить в мыслях советского археолога А.Л. Монгайта (Холюшкин, 2006: 7).

Со своей стороны отметим – то, что археология имеет отношение к источниковедению, понятно и не оспаривается; также ясно, что археология гораздо шире источниковедения и ВИД и не может быть ограничена ими.

Наряду с мнением о принадлежности

археологии к источниковедению, в научной археологической среде также бытуют представления, что археология при определенной историчности более соотносима с другими отраслями науки. К примеру, вышеупомянутый С.А. Васильев, оппонировав Л.С. Клейну, признает принадлежность археологии к историческим наукам, в том плане, что это наука о прошлом, ставя ее в один ряд с палеонтологией и исторической геологией, отмечая близость письменной истории к ряду отраслей археологии. Он склонен отождествлять первобытную археологию с антропологией как наукой о человеке и его культуре в контексте взаимодействия с окружающей средой (Васильев, 2013: 696). В первых сравнениях, наверное, маститый ученый имел в виду нечто более сложное в плане философии науки, так как легко увидеть, что цели и задачи палеонтологии, исторической геологии и археологии, по крайней мере, для науки постсоветского пространства, в принципе несопоставимы. Первые сугубо естественнонаучные – изучение древних форм жизни, в том числе человека, как элементов биосферы и исследование истории развития земной коры, тогда как археологию интересуют все стороны жизнедеятельности человека и общества через материальные источники. Как было уже сказано, по нашему мнению, отнесение археологии к антропологии (в понимании науки Нового Света) будет корректно, если говорить строго об американском, австралийском континенте или иной изолированной территории с непрерывным развитием вплоть до современности, с непродолжительным, по историческим меркам, процессом антропогенеза. Как уже было отмечено, в целом отнесение евразийской археологии к антропологии будет как минимум нецелесообразным, хотя, надо признать, для археологии каменного века всех континентов наблюдается достаточное однообразие в материальной культуре (в сравнении с другими эпохами), и они могут

рассматриваться в общей плоскости, однако их имеющиеся особенности и специфика, проблема дальнейшего перехода и трансформации культур каменного века в периоды раннего металла и т.д., т.е. решение широкого круга задач, выходящих далеко за рамки антропологии, блокируют возможность ограничения первобытной археологии ее рамками.

Принадлежность археологии к антропологии, а не к исторической науке утверждают по большей части американские ученые (Фаган, ДеКорс, 2006; Клейн, 2012: 3, 4), причем, с описанной выше спецификой своего научного поля, вполне обоснованно.

Следующая точка зрения рассматривает археологию как независимую науку – археолог-палеолитовед Г.П. Григорьев, беря за основу специфику археологических источников, считает, что археология шире источниковедческой дисциплины, существенно отличается от истории – археологические источники не содержат исторической информации, и она вполне себе самостоятельная наука, и что с определенной модернизацией ее методологии и методики, не без взаимодействия с другими отраслями наук, археология в силах писать свою археологическую историю, и ее понятия имеют самостоятельную ценность (Григорьев, 1981: 3-15; Васильев, 2014: 9). Эти высказанные более 30-40 лет назад мысли вызвали бурную реакцию в науке и острую критику со стороны ученых, однозначно рассматривающих археологию как неотъемлемую часть исторической науки – подробно можно ознакомиться тут (Палиенко, 2020: 32). На современном этапе ученые-теоретики признают положения и трактовки Григорьева как минимум преувеличенными и утрированными на специфике источника, и что идея о самостоятельности археологии доведена до абсурдности – отрицаются какие-либо методологические связи с другими

общественными и историческими дисциплинами (Аникович, 2010: 10). Позиции о самостоятельности археологии в исследовании и интерпретации своих специфических источников, в той или иной степени и с некоторыми уточнениями, поддерживают английский археолог О. Кроуфорд, индийские ученые Х.Д. Санкалия, С.К. Дикшит и др. (Клейн, 2004: 46).

Еще одна группа ученых придерживается мнения, что археология и история – одно целое и, несмотря на специфику своих источников, служат одной цели – реконструкции истории во всех возможных аспектах, причем, археология однозначно подчинена истории и зависима от нее. К числу советских и постсоветских ученых, которые в той или иной степени поддерживают это мнение, относятся советские археологи Б.А. Рыбаков, А.В. Арциховский, Г.Ф. Генинг, Ю.Н. Захарук, В.Н. Боряз, В.М. Массон и др. (Палиенко, 2020: 39; Холюшкин, 2006: 8).

Из ученых-археологов других частей света к этому мнению склоняются немецкий археолог Г.Ю. Эггерс, британские ученые К. Хоукс Г. Дэниел, американские археологи О. Киддер и Г. Колтон (Клейн, 1993: 137, 138).

Еще одно выделенное определение – археология как самостоятельная и равная научная единица в составе исторической науки. Его поддерживают такие археологи, как В.А. Башилов, говоря, что археология и история – это две части единой науки, максимально сближающиеся на теоретическом уровне (Башилов, Лооне, 1986: 206-207). Позиция Е.Д. Гражданникова и Ю.П. Холюшкина – отнесение археологии к фундаментальным гуманитарно-историческим наукам и зависимость фундаментального или прикладного характера археологии от конкретной области исследований ученого также находится в рамках данного направления (Холюшкин, 2006: 12, 13). Сюда же можно отнести идею Я.А. Шера о выделении

исторической археологии (Шер, 1973: 53-56).

Таким образом, нами зафиксированы следующие точки зрения о сущности археологии (рисунок А. 3):

1) это источниковедческая дисциплина или ВИД;

2) это антропологическая наука;

3) это самостоятельная наука, не имеющая отношения к исторической или как минимум имеющая все возможности к существованию вне нее и без нее;

4) это неотъемлемая часть исторической науки, без которой она не может существовать и играет подчиненную ей роль;

5) это самостоятельная наука в составе исторической.

Схожие дифференциации в рамках определения места археологии приводят российский ученый Ю.П. Холюшкин и украинский специалист С.В. Палиенко (Палиенко, 2020: 39; Холюшкин, 2006: 6).

Помимо приведенного, внутри отмеченных направлений и локально, выделяются понимания археологии:

– как истории материальной культуры
– это связано с начальным этапом советской науки, когда имел место активный поиск аналогий всему «буржуазному», и велись разработки марксистских основ археологии. С учетом тоталитаризма это поддерживалось всеми учеными того времени; основной автор – ленинградский археолог С.Н. Быковский (Холюшкин, 2006: 8);

– частичные деления – первобытная археология как часть естественных наук, а остальные подразделы как ВИД, связана со школой археолога А.Н. Рогачева (Палиенко, 2020: 39), перекликается и, по всей видимости, является предтечей точки зрения о целесообразности соотношения первобытной археологии к антропологии.

Кроме того, есть категория ученых и научных школ, которые, согласно эволюции научных идей, изменению политической конъюнктуры или по иным личным, профильным и другим причинам

склоняются от одного определения к другому, пытаются синтезировать несколько из них в одно и т.п. Также некоторые исследователи видят в их взглядах соответствие иным, чем фиксируемым в данной работе, течениям, ряд вышеназванных ученых, в виду общих целей при определенных отличиях воззрений, объединяются в так называемую «чистую» или «строгую» археологию, остальные оппонировать и т.д. (Палиенко, 2020: 33).

Все отмеченные направления в некоторых моментах схожи в своих выводах, но в целом находятся в оппозиции друг к другу, даже на грани открытой конфронтации и явного антагонизма. Подробно история и результаты полемики, дискуссий и откровенной вражды научных направлений и отдельных исследователей изложены в свежем аналитическом обзоре украинского ученого С.В. Палиенко (Палиенко, 2020: 29-48).

Безусловно, что все приведенные понимания места археологии в системе науки базируются на специфике археологического источника, в понимании которого они более или менее едины, и вкратце это можно обозначить так:

- археологические источники – это комплекс материальных остатков хозяйственной, культурной и прочей деятельности человека, отличаются от письменных исторических источников тем, что не содержат прямой повествовательной информации» и далее согласно позиции того или иного направления начинаются обоснования: ... и поэтому они не могут считаться историческим источником..., ... поэтому более соотносимы к ... науке..., ...но реконструируют исторические процессы из контекста.... И т.п., т.е. начинаются дискуссии и разногласия в поле понимания историчности арх. Источника, через него переходя к определению статуса археологии в науке, ее объекта, предмета и к прочему широкому кругу теоретико-методологических проблем и вопросов.

Результаты

Авторам наиболее импонирует и близко, согласно комплексной специализации и имеющемуся опыту археологических изысканий первичного, вторичного и интерпретационно-аналитического характера, последнее из выделенных направлений, и они придерживаются мнения, что археология – самостоятельная наука в составе исторической, которая на равных позициях, согласно специфике своего источника, имеет все полномочия и возможности в реконструкции прошлого в рамках своего потенциала и компетенции. Однако, выделение ее в отдельную науку не имеет смысла – изучение специфических источников, исследование которых не альфа-цель археолога и лишь средства к реконструкции исторических процессов, с использованием как своих специальных методов, так и методов иных гуманитарных и естественных наук. Она также соотносима с источниковедением, как и сама историческая наука. Несмотря на свою достаточно значительную специфичность и своеобразие, археология неразрывно связана с исторической наукой. Не говоря о смене парадигмы археологии или выводе ее из состава истории, следует ставить вопрос о конкретизации ее места и роли в кругу исторической науки, потому что, имея полную самостоятельность в методологии и методике исследований, с полномочиями утверждения и опровержения итоговых выводов самого широкого характера: от периодизации течения истории до реконструкции всей истории – от древнейших времен до современности ряда территорий ойкумены, она не вмещается в рамки исторического источниковедения, ВИД и т.д., опять же, в то же время не может быть отделена от истории, так как ее конечные цели идентичны целям исторической науки – исследование всей совокупности человека и общества (Мартынов, 1973: 3). В свете всего сказанного,

со своей стороны, предлагаем рассматривать археологию как равную и самостоятельную научную структуру исторической науки, например: *комплексная практическая история* (обозначение условно, имеет цель передать смысл содержания, возможны и иные, более краткие и емкие формулировки), так как при наличии своих источников, относящихся к кругу исторических, но с профильной спецификой, методологии и методов археология широко использует подходы, методику и принципы широкого круга гуманитарных и естественных наук, исследует не только ископаемую и надземную материальную культуру, но и все стороны историко-культурных, общественных и других связей и отношений, получаемых из контекста вещественных данных, дополняемых также в комплексе с научными результатами других отраслей общественно-исторических наук и дисциплин, в конечном счете желая достичь той же цели, что и сама историческая наука – реконструкции по мере возможности объективной и инвариантной исторической истины на основе творчества и культуры человечества. Надо признать, что сказанное в определенной мере перекликается с предпоследним из приведенных течений, суть которого емко и лаконично озвучил классик науки А.В. Арциховский – «археология есть история, вооруженная лопатой». Да, это очевидно, что археология считается нами частью исторической науки, но не в подчиненном или вспомогательном характере и не в понимании ее как материнской науки по отношению к самой истории. Также не обоснованными считаются попытки отделить ее от истории, по причине того, что они взаимосвязаны и не могут быть отделены, даже механически – к примеру, в ключе доистория-протоистория-история, так как в моментах перехода от одного периода к другому в любом случае будет необходимость взаимодействия и обращения к материалам

обеих сторон, и предугадывая аналогии с ВИД и пр., которые играют вспомогательную роль в исследованиях исторического толка – в зависимости от конкретного региона или хронологического отрезка они могут играть по отношению к друг другу вспомогательную роль, что вполне закономерно, но конечные цели, повторимся, одни, и пусть к ним они идут немного разными путями и порой независимо друг от друга, однако это цели сугубо исторического содержания, и необходимости клонировать отдельную науку нет, как и вмещать археологию в прокрустово ложе узких для нее дисциплин и отраслей. Также немаловажным можно считать и то, что без археологии в исторической науке образуется вакуум, который логически приведет к необходимости создания отрасли, специализирующейся на доистории и протоистории по вещественным источникам, превалирование которых безусловно, т.е. должен появиться клон археологии – насколько это целесообразно и рационально? Думается, вполне хватает четкого определения позиции и признания полномочий археологии в составе исторической науки на официальном уровне, в той или иной формулировке, отражающей суть и роль археологии.

Заключение

По нашему мнению, наиболее точно формулирует специфику исторических и археологических исследований, дает объективную оценку степени их близости, с приведением отличий от ВИД и иных дисциплин исторической науки, признавая их научную самостоятельность и при этом неразрывность их связей, совместный анализ философа истории Э.Н. Лооне и профессионального археолога В.А. Башилова (Башилов, Лооне, 1986: 192-208). То же самое можно сказать про тандем философа науки Е.В. Гражданникова и археолога-теоретика Ю.П. Холюшкина –

ученые на основе детального анализа четко и весомо определяют статус и место археологии в классификационной системе науки (Гражданников, Холюшкин, 1991; Холюшкин, 2006)

Также при определении места археологии в науке отдельных стран должны учитываться особенности самой истории, географии и тому подобное той или иной территории, т.е. время появления письменных источников, степень интенсивности миграционных процессов, уровень стабильности характера культуры и хозяйства, природно-климатических условий, кратко говоря, всего комплекса разного рода факторов, которые в определенные периоды меняли и видоизменяли популяционную и другие составляющие целевого ареала. К примеру, уже отмечавшаяся территория американского континента, Австралия и другие, изолированно развивавшиеся до одного времени континенты, острова и прочее. К такого рода ареалам в пределах одного континента можно отнести труднодоступные до недавнего времени регионы (племена и народы джунглей Азии, Африки и т.д.). В отдельные категории можно выделить народы, до текущего дня сохранившие значительную часть мобильного традиционного уклада при широкой открытости внешним влияниям, с достаточно вариабельной структурой этногенеза и культурогенеза, вкпе с нестабильной графологической практикой (Монголия и ряд других стран Евразии, Африки и др.), страны с ранней письменностью и цивилизациями (Китай, Ближний Восток, Египет и пр.), с относительно устойчивым и стационарным культурным полем на протяжении длительного периода. Если одни, в силу указанного, могут попытаться отделить археологию от истории, то вторые страны нет, так как их история, в некоторых случаях вплоть до современности, может быть реконструирована лишь на основе археологических данных. Они максимум

могут образовать отдельное комплексное направление этноархеологического ряда, опять же, при условии непрерывности и изолированности развития. Третьим же, ввиду явной параллельности археологии и истории в исследовании их прошлого, в принципе невозможно их сепарировать.

Одним словом, признавая

универсальность теоретико-методологических построений для большей части света, было бы оптимальным по мере научных возможностей производить разработки с оглядкой на конкретные исторические условия той или иной страны, региона и т.д.

Финансирование

Исследование выполнено в рамках гранта КН МОН РК № BR10965240.

Первый автор выражает искреннюю признательность Жакишевой Сауле Аукуновне, Калыш Аманжолу Боранбаевичу, Султангалиевой Гульмире Салимжановне за ряд ценных советов и рекомендаций.

Список литературы

- Аникович М.В. Методология археологии и новые подходы к изучению верхнего палеолита Евразии: избранные лекции / М.В. Аникович. – Новосибирск: НГУ, 2010. – 56 с.
- Атабаев Қ. Деректану / Қ. Атабаев. – Алматы: Қазақ тарихы, 2007. – 272 б.
- Атабаев Қ. Қазақстан тарихының деректанулық негіздері / Қ. Атабаев. – Алматы: Қазақ университеті, 2002. – 302 б.
- Атабаев Қ.М., Тасилова Н.А., Толамисов А.Ф. Деректану пәнін оқыту методикасы: оқу құралы / Қ. Атабаев, Н.А. Тасилова, А.Ф.Толамисов. – Алматы: Қазақ университеті, 2011. – 301 б.
- Башилов В.А., Лооне Э.Н. Об уровнях исследования и познавательных задачах археологии // Советская Археология. – 1986. – № 3. – С. 192-208.
- Бовыкин В.И. Проблемы изучения исторической информации (к вопросу об информационном источниковедении) // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». – 1998. – № 23. – С. 8-9.
- Большаков А.М. Вспомогательные исторические дисциплины: археология, архивоведение, география историческая, геральдика, дипломатика, метрология, нумизматика, палеография, сфрагистика, эпиграфика / А.М. Большаков. – Тверь: Тверское изд-во, 1922. – 121 с.
- Васильев С.А. Григорьев Г.П. продолжатель дела С.Н. Замятнина // Замятнинский сборник «Каменный век: от Атлантиды до Пацифики». – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, ИИМК РАН, 2014. – Вып. 3. – С. 3-11.
- Васильев С.А. Работа археолога: от раскопа до книги (Клейн Л.С. Археологическое исследование: методика кабинетной работы археолога) // Российский археологический ежегодник. – 2013. – № 3. – С. 696-702.
- Гражданников Е.Д., Фелингер А.Ф., Холюшкин Ю.П. Системная классификация разделов археологии. // Сб. науч. статей «Методические проблемы реконструкций в археологии и палеоэкологии». – Новосибирск: «Наука» СО, 1989. – С. 5-16.
- Гражданников Е.Д., Холюшкин Ю.П. Системное решение вопроса о статусе археологии как науки (к дискуссии о предмете археологии) // Советская археология. – 1991. – № 2. – С. 111-114.

- Григорьев Г.П. О предмете археологии // Сборник научных трудов «Описание и анализ археологических источников». – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1981. – С. 3-15.
- Данилевский И.Н., Добровольский Д.А., Казаков Р.Б., Маловичко С.И., Румянцева М.Ф., Хоруженко О.И., Швейковская Е.Н. Источниковедение / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева, О.И. Хоруженко, Е.Н. Швейковская. – Москва: Изд-во ВШЭ, 2015. – 685 с.
- Евглевский А.В., Говорун В.А. Археолог – не историк, вооруженный лопатой: о месте археологии в пространстве наук // Материалы III международной научной конференции «Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности». – Донецк: ДонНУ, 2018. – С. 289-291.
- Жакишева С.А. Историческая информатика в Казахстане: теория, историография, методики и технологии / С.А. Жакишева. – Алматы: КазАТиСО, 2011. – 336 с.
- Кареев Н.И. Избранные труды / Н.И. Кареев. – Москва: РОССПЭН, 2010. – 597 с.
- Клейн Л.С. Археологические источники / Л.С. Клейн. – Ленинград: ЛГУ, 1978. – 148 с.
- Клейн Л.С. Археологическое исследование: методика кабинетной работы археолога. – Кн. 1 / Л.С. Клейн. – Донецк: ДонНУ, 2012. – 622 с.
- Клейн Л.С. Введение в теоретическую археологию: учебное пособие. Кн. 1: Метаархеология / Л.С. Клейн. – Санкт-Петербург: Бельведер, 2004. – 470 с.
- Клейн Л.С. Историзм в археологии // Археологические вести. – 1993. – Вып. 2. – С. 135-144.
- Клейн Л.С. История археологической мысли / Л.С. Клейн. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2011. – Т. 2. – 624 с.
- Ковальченко И.Д. Исторический источник в свете учения об информации: к постановке проблемы // История СССР. – 1982. – № 3. – С. 129-148.
- Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. Изд. 2-е, доп. – Москва: Наука, 2003. – 486 с.
- Кун Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. / Т. Кун. – Москва: Прогресс, 1977. – 300 с.
- Лич С.Д. Методологическая природа археологии // Сборник статей памяти Льва Самуиловича Клейна. – Санкт Петербург: ИИМК РАН, 2020. – С. 43-48.
- Мартынов А.И. Археология СССР / А.И. Мартынов. – Москва: Высшая школа, 1973. – 295 с.
- Мирошниченко Л.Н., Шарый В.И. Понятия «парадигмы» и «парадигмального подхода» в истории и методологии науки // Новая наука: от идеи к результату. – 2017. – № 1-3. – С. 194-198.
- Палиенко С.В. Концепция предмета археологии в научном творчестве Л.С. Клейна // Сб. статей памяти Льва Самуиловича Клейна. – Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2020. – С. 29-42.
- Плахин В.Т. Гносеологическая специфика исторических источников // Межвузовский сборник «Алтай в эпоху камня и раннего металла». – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1985. – С. 15-28.
- Подзюбан Е.В. Американская историческая школа и культурная концепция Ф. Боаса: историографический обзор. // Вестник КемГУКИ. – 2014. – № 29 (2). – С. 33-43.
- Пучкова О.С. Археологический источник: состояние проблемы // Вестник Омского университета. – 2001. – № 4. – С. 68-70.
- Пушкарев Л.Н. Классификации русских письменных источников по отечественной истории. – Москва: Наука, 1975. – 282 с.
- Репина Л.П. Междисциплинарность и история // Альманах интеллектуальной истории «Диалог со временем». – 2004. – № 11. – С. 5-17.
- Румянцева М.Ф. Вспомогательные исторические дисциплины в системе субдисциплин современной исторической науки: приглашение к дискуссии [Электрон.ресурс]. – 2022. –

URL: <http://ivid.ucoz.ru/publ/obsuzhdenija/rumianceva2012/12-1-0-126> (дата обращения: 12.09.2018).

Соффер О.А. Организация и финансирование археологии в США // Археологические вести. – 1993. – Вып. 2. – С. 213-220.

Тихонов И.Л. А.С. Лаппо-Данилевский и археология // Клио. – 2013. – № 12 (84). – С. 115–119.

Фаган Б., ДеКорс К. Археология. Вначале / Б. Фаган, К. ДеКорс. – Москва: Техносфера, 2007. – 592 с.

Холюшкин Ю.П. Еще раз к вопросу о системном решении вопроса о статусе археологии как науки // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. – 2006. – Вып. 10. – С. 6-14.

Шер Я.А. Еще раз об археологических источниках и «заключенной» в них информации // Сборник статей, посвященный 77-летию Льва Самойловича Клейна «Археолог: детектив и мыслитель». – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2004. – С. 114-123.

Шер Я.А. К характеристике структуры общей археологии // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР «ТД СПИПАИ 1972 года». – Ташкент: Фан, 1973. – С. 53-56.

Шмидт С.О. О классификации исторических источников // Вспомогательные исторические дисциплины. – 1985. – Вып. 16. – С. 3-

Bourgeon L., Burke A., Higham T. Earliest Human Presence in North America Dated to the Last Glacial Maximum: New Radiocarbon Dates from Bluefish Caves, Canada // PLOS ONE. – 2017. – Vol. 12, № 1. – P. 11.

Zalewska A.I., Cyngot D. Leo Klejn's panoramic view of theoretical archaeology as his way to metaarchaeology // Volume dedicated to the memory of Leo Samuilovich Klein. – Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS, 2020. – P. 49-58.

Елдос М. Кариев¹, Дана Б. Самратова²

¹*«Астана» халықаралық университеті, Нұр-Сұлтан, Қазақстан*

²*«Берел» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығы, Жамбыл, Қазақстан*

Археологияның тарихи ғылым ретіндегі мәртебесі (пәнаралылық хақындағы түйінді мәселелері)

Аңдатпа. Археологияның өзіне тән әдіснамасы, дереккөздері және басқада толыққанды ғылымның белгілері бар академиялық пәнге дейін ұзақ және күрделі жол кешкені көпшілікке мәлім. Кез келген гуманитарлық және басқада ғылым салаларының дамуы белгілі бір уақытта оның парадигмасын және тұғырлы тәртіп, ережелерін – мақсаты мен міндеттерін, пәнін, нысанын және басқаны қайта қарау қажеттілігіне әкеледі. Бұл археологияға да қатысты – қазіргі таңда археологиялық әлемнің ғылыми ортасында оның ғылым жүйесіндегі орнын қайта қарау туралы немесе оның тарих ғылымының ішіндегі нақты орнын белгілеу, тіпті бөлек ғылым саласына бөліп шығару жөніндегі мәселелер жиі көтерілуде. Бұл тұрғыда маңызды болып келетін жәйттардың бірі – ол археологияны тарих ғылымының өзінің түсінуі және ұғынуы. Назарға ұсынылған мақалада археологияның мәртебесіне, оның парадигмасының ауысуы мүмкіндіктерге сараптама жасалып, тарих ғылымының археологияға ғылыми көз қарастары оның бөлініп кетуі хақында зерделенуде. Аталғанды қарастырудағы негізгі ерекшелік – ол археолог-ғалымдардың көзқарастарымен қатар тарих ғылымының өкілдерінің жалпы археологияға және оның ықтималды қарама-

қайшылықтарына сай бөліп шығаруға қатысты ой-тұжырымдары сарапталуда. Авторлар археологияның тарихи пәндер арасындағы мәртебесіне өз ой-пікірлерін келтіріп, бірқатар маңызды қорытындылармен қатар осы ғылымның теориялық-әдіснамалық өңдеулерін белгілі бір географиялық аймақтың, елдің өңірлік және т.б. ерекшеліктерін ескеріп жасау керек деген тұжырымға келеді.

Түйін сөздер: теориялық археология; мәртебе; парадигманы ауыстыру; пәнаралылық; тарих ғылымы; ұғыну және түсіну.

Yeldos M. Kariyev¹, Dana B. Samratova²

¹*«Astana» International University, Nur-Sultan, Kazakhstan*

²*State Historical and Cultural Reserve-Museum «Berel», Zhambyl, Kazakhstan*

On the status of archaeology as a historical science (key aspects in a multidisciplinary context)

Abstract. As we know, archaeology has transitioned quite a long and thorny path to an academic discipline with its source base, methodology, method, and other inherent attributes of a full-fledged scientific unit. With the intensification of the development of any humanitarian science and not only science, the processes, and trends of the need to revise its paradigm and fundamental provisions – goals, objectives, subject, object, and other basic justification are natural. Archaeology is no exception – now, in the academic environment of the archaeological world, the question of revising the place of archaeology in the science system is increasingly being raised, or at least determining an archaeology clear stance in the circle of historical science, up to its separation into an independent unit. In this regard, the aspect of the perception and interpretation of archaeology by the mother science now – history - is also of no small importance. In the article presented to attention, an attempt is made to analyze the key points of a possible paradigm shift and an attempt is made to determine the relationship of historical science to archaeology in the context of assessing its separation probability. The main difference in the treatment of the latter aspect is that, in addition to archaeologists' scientific opinions, representatives' views of historical science themselves are considered, including from the standpoint of possible rejection of archeology on its part due to potential disagreements in the above-mentioned cornerstone scientific aspects. The authors present their own perspective on archaeology's place within the historical disciplines, concluding, among other things, that it is necessary to develop theoretical and methodological developments that consider regional and other characteristics of a particular geographical area, country, etc.

Keywords: theoretical archaeology; status; paradigm shift; interdisciplinarity; historical science; perception and interpretation.

References

- Anikovich M.V. Metodologiya arheologii i novye podhody k izucheniyu verhnego paleolita Evrazii: izbrannye lektsii [Methodology of archeology and new approaches to the study of the Upper Paleolithic of Eurasia: selected lectures] (NGU, Novosibirsk, 2010, 56 p.), [in Russian].
- Atabaev K. Derektanu [Source Studies] (Kazak tarihy, Almaty, 2007, 272 p.), [in Kazakh].
- Atabaev K. Kazakstan tarihnyn derektanulyk negizderi [Source-studing Foundations of the Kazakhstan History] (Kazak universiteti, Almaty, 2002, 302 p.), [in Kazakh].

Atabaev K.M., Tasilova N.A., Tolamisov A.G. Derektanu panin okytu metodikasy: oku kyraly [Teaching Methodology for the Source Studies Subject: Tutorial] (Kazak universiteti, Almaty, 2011, 301 p.), [in Kazakh].

Bashilov V.A., Loone E.N. Ob urovnyah issledovaniya i poznavatel'nyh zadachah arheologii [About the Levels of Research and Cognitive Tasks of Archaeology]. Sovetskaya Arheologiya [Soviet Archaeology]. 1986. No. 3. P. 192-208, [in Russian].

Bovykin V.I. Problemy izucheniya istoricheskoy informacii (k voprosu ob informacionnom istochnikovedenii) [Problems of Studying Historical Information (on the Issue of Information Source Studies)]. Informacionnyj byulleten' Associacii "Istoriya i komp'yuter" [Newsletter of the Association "History and Computer"]. 1998. No. 23. P. 8-9, [in Russian].

Bol'shakov A.M. Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny: arheologija, arhivovedenie, geografija istoricheskaja, geraldika, diplomatika, metrologija, numizmatika, paleografija, sfragistika, jepigrafika [Auxiliary Historical Disciplines: Archeology, Archival Science, Historical Geography, Heraldry, Diplomacy, Metrology, Numismatics, Paleography, Sphragistics, Epigraphy] (Tverskoe, Tver', 1922, 121 p.), [in Russian].

Vasil'ev S.A. G.P. Grigor'ev, prodolzhatel' dela S.N. Zamyatnina [Grigoriev, continuator of S.N. Zamyatnin's case] Zamyatninskij sbornik «Kamennyj vek: ot Atlantidy do Pacifiki» [Zamyatninsky collection book "The Stone Age: from Atlantis to Pacifica"] Institute for the History of Material Culture RAS. St. Petersburg. 2014, Vol. 3, P. 3-11, [in Russian].

Vasil'ev S.A. Rabota arheologa: ot raskopa do knigi (Klejn L.S. Arheologicheskoe issledovanie: metodika kabinetnoj raboty arheologa) [The work of an archaeologist: from the excavation to the book (Klejn L.S. Archaeological Research: the Methodology of the Archaeologist's Desk Work)]. Rossijskij arheologicheskij ezhegodnik [Russian Archaeological Yearbook]. 2013. No. 3. P. 696-702, [in Russian].

Grazhdannikov E.D., Felinger A.F., Holjushkin Ju.P. Sistemnaja klassifikacija razdelov arheologii [Systematic Classification of Archaeology Sections] Sb. nauch. statej «Metodicheskie problemy rekonstrukcij v arheologii i paleoekologii» [Collection book of scientific papers «Methodological Problems of Reconstructions in Archaeology and Paleoecology»] (Nauka, Novosibirsk, 1989, P. 5-16), [in Russian].

Grazhdannikov E.D., Holyushkin YU.P. Sistemnoe reshenie voprosa o statuse arheologii kak nauki (k diskussii o predmete arheologii) [System Solution in the Field of Statuse Archeology as Sciences (Discussion on the Subject of Archeology)]. Sovetskaya arheologiya [Soviet Archaeology]. 1991. No. 2. P. 111-114, [in Russian].

Grigor'ev G.P. O predmete arheologii [About the Subject of Archeology] (Sbornik nauchnyh trudov "Opisanie i analiz arheologicheskikh istočnikov" [Collection book of scientific papers "Description and Analysis of Archaeological Sources"]). (ISU Publ, Irkutsk, 1981. P. 3-15), [in Russian].

Danilevskij I.N., Dobrovol'skij D.A., Kazakov R.B., Malovichko S.I., Rumjanceva M.F., Horuzhenko O.I., Shvejkovskaja E.N. Istochnikovedenie [Source Study] (The Higher School of Economics Publishing House, Moscow, 2015, 685 p.), [in Russian].

Evglevskij A.V., Govorun V.A. Arheolog – ne istorik, vooruzhennyj lopatoj: o meste arheologii v prostranstve nauk [An archaeologist is not a historian armed with a shovel: about the place of archeology in the space of sciences] (Materialy III mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Doneckie chteniya 2018: obrazovanie, nauka, innovacii, kul'tura i vyzovy sovremennosti» [Materials of the III International Scientific Conference "Donetsk Readings 2018: Education, Science, Innovation, Culture and Modern Challenges"]). DonNU, Donetsk, 2018. P. 289-291, [in Russian].

ZHakisheva S.A. Istoricheskaya informatika v Kazahstane: teoriya, istoriografiya, metodiki i tekhnologii [Historical Informatics in Kazakhstan: Theory, Historiography, Methods and Technologies] (KazATiSO, Almaty, 2011, 336 p.), [in Russian].

Kareev N.I. Izbrannye trudy [Selected Works] (ROSSPEN, Moscow, 2010, 597 p.), [in Russian].

Klejn L.S. Arheologicheskie istochniki [Archaeological sources] (LGU, Leningrad, 1978, 148 p.), [in Russian].

Klejn L.S. Arheologicheskoe issledovanie: metodika kabinetnoj raboty arheologa. Kn. 1. [Archaeological Research: the Methodology of the Archaeologist's Desk Work. Book 1.] (DonNU, Donetsk, 2012, 622 p.), [in Russian].

Klejn L.S. Vvedenie v teoreticheskuyu arheologiyu: uchebnoe posobie. Kn. 1: Metaarheologiya [Introduction to Theoretical Archaeology: a textbook. Book 1: Meta-archeology] (Bel'veder, St. Petersburg, 2004, 470 p.), [in Russian].

Klejn L.S. Istorizm v arheologii [Historicism in Archeology]. Arheologicheskie vesti [Archaeological News]. 1993. Vol. 2. P. 135-144, [in Russian].

Klejn L.S. Istorija arheologicheskoy mysli [A History of Archaeological Thought] (St. Petersburg University, St. Petersburg, Vol. 2, 2011, 624 p.), [in Russian].

Koval'chenko I.D. Istoricheskij istochnik v svete ucheniya ob informacii: k postanovke problemy [Historical Source in the Light of the Doctrine of Information: Towards the Formulation of the Problem]. Istoriya SSSR [History of the USSR]. 1982. No. 3. P. 129-148, [in Russian].

Koval'chenko I.D. Metody istoricheskogo issledovaniya [Methods of Historical Research] (Nauka, Moscow, 2nd ed., add., 2003, 486 p.), [in Russian].

Kun T. Struktura nauchnyh revoljucij. S vvodnoj stat'ej i dopolnenijami [The Structure of Scientific Revolutions. With an Introductory Article and Additions, 1969] (Progress, Moscow, 1977, 300 p.), [in Russian].

Leach S.D. Metodologicheskaya priroda arheologii [The Methodological Nature of Archeology]. Sbornik statej pamyati L'va Samuilovicha Kleina [Leo Klejn. [Guidebook]: Volume dedicated to the memory of Leo Samuilovich Klejn]. 2020. Institute for the History of Material Culture RAS. St. Petersburg. P. 43-48), [in Russian].

Martynov A.I. Arheologiya SSSR [Archaeology of the USSR] (Vysshaya shkola, Moscow, 1973. 295 p.), [in Russian].

Miroshnichenko L.N., Sharyj V.I. Ponjatija «paradigmy» i «paradigmalnogo podhoda» v istorii i metodologii nauki [The Concepts of "Paradigm" and "Paradigmatic Approach" in the History and Methodology of Science]. Novaja nauka: ot idei k rezul'tatu [New Science: from Idea to Result]. 2017. Vol. 2. P. 194-198, [in Russian].

Palienko S.V. Konceptiya predmeta arheologii v nauchnom tvorchestve L.S. Klejna [The Concept of the Subject of Archeology in the Scientific Work of L.S. Klejn] (Sbornik statej pamyati L'va Samuilovicha Kleina [Leo Klejn. [Guidebook]: Volume dedicated to the memory of Leo Samuilovich Klejn]. 2020. Institute for the History of Material Culture RAS. St. Petersburg. P. 29-42), [in Russian].

Plahin V.T. Gnoseologicheskaya specifika istoricheskikh istochnikov [Gnoseological Specificity of Historical Sources], Mezhhuzovskij sbornik "Altaj v epohu kamnya i rannego metalla" [Inter-University Collection "Altai in the Era of Stone and Early Metal"], Altai State University, Barnaul, 1985. P. 15-28, [in Russian].

Podzjuban E.V. Amerikanskaja istoricheskaja shkola i kul'turnaja koncepcija F. Boasa: istoriograficheskij obzor [The American Historical School and Cultural Concept of F. Boas: Historiographical Review]. Vestnik kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]. 2014. Vol. 29 (2). P. 33-43, [in Russian].

- Puchkova O.S. Arheologicheskij istochnik: sostoyanie problemy [Archaeological source: the state of the problem], Vestnik Omskogo universiteta [Bulletin of Omsk University]. 2001. № 4. P. 68-70, [in Russian].
- Pushkarev L.N. Klassifikacii russkih pis'mennyh istochnikov po otechestvennoj istorii [Classification of Russian Written Sources on the Domestic History] (Nauka, Moscow, 1975, 282 p.), [in Russian].
- Repina L.P. Mezhdisciplinarnost' i istoriya [Interdisciplinarity and History]. Informacionnyj byulleten' Associacii "Istoriya i komp'yuter" [Dialogue with time. Intellectual history review]. 2004, Vol. 11. P. 5-17, [in Russian].
- Rumjanceva M.F. Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny v sisteme subdisciplin sovremennoj istoricheskoy nauki: priglashenie k diskussii [Auxiliary Historical Disciplines in the System of Modern Historical Science Subdisciplines: an Invitation to Discussion]. Nauchnyj portal «Istochnikovedenie» [Science portal "Source Studies"]. Available at: <http://ivid.ucoz.ru/publ/obsuzhdenija/rumianceva2012/12-1-0-126>, [in Russian]. (accessed 12.09.2018).
- Soffer O.A. Organizacija i finansirovanie arheologii v SShA [Organization and Financing of Archaeology in the USA]. Arheologicheskie vesti [Archaeological News]. 1993. Vol. 2. P. 213-220, [in Russian].
- Tihonov I.L. A.S. Lappo-Danilevskij i arheologija [A.S. Lappo-Danilevsky and Archeology]. Klio. 2013. Vol. 12 (84). P. 115-119, [in Russian].
- Fagan B., DeCorse K. Arheologija. Vnachale [In the Beginning: An Introduction in Archaeology] Per. N.Yu. Strukova [Translated by N. Y. Strukov] (Texnosfera, Moscow, 2007, 592 p.), [in Russian].
- Holyushkin YU.P. Eshche raz k voprosu o sistemnom reshenii voprosa o statuse arheologii kak nauki [Once again to the Question of a Systematic Solution to the Question of the Archeology Status as a Science], Informacionnye tekhnologii v gumanitarnyh issledovaniyah [Information Technologies in Humanitarian Research]. 2006. Vol. 10. P. 6-14, [in Russian].
- SHer YA.A. Eshche raz ob arheologicheskikh istochnikah i «zaklyuchenoj» v nih informacii [Once again about Archaeological Sources and the Information "Enclosed" in them], Sbornik statej, posvyashchyonnyj 77-letiyu L'va Samojlovicha Klejna «Arheolog: detektiv i myslitel'» Archaeologist: Detective and Thinker: A Collection of Papers Devoted to 77th Anniversary of Lev Samuilovich Kleyn], Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, 2004. P. 114-123, [in Russian].
- Sher YA.A. K karakteristike struktury obshchej arheologii [To Characterize the Structure of General Archaeology], Tezisy dokladov sessii, posvyashchyonnoj itogam polevyh arheologicheskikh issledovanij 1972 goda v SSSR "TD SPIPAI 1972 goda" [Abstracts of the Session Devoted to the Results of Field Archaeological Research in 1972 in the USSR "TD SPIPAI 1972"], Tashkent, USSR, 1973. P. 53-56, [in Russian].
- Shmidt S.O. O klassifikacii istoricheskikh istochnikov [About Classification of Historical Sources]. Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny [Auxiliary Historical Disciplines]. 1985. Vol. 16. P. 3-23, [in Russian].
- Bourgeon L., Burke A., Higham T. Earliest Human Presence in North America Dated to the Last Glacial Maximum: New Radiocarbon Dates from Bluefish Caves, Canada PLOS ONE. 2017. Vol. 12. No. 1. P. 11.
- Zalewska A.I., Cyngot D. Leo Klejn's panoramic view of theoretical archaeology as his way to metaarchaeology, Volume dedicated to the memory of Leo Samuilovich Klejn. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS, 2020. P. 49-58.

Сведения об авторах:

Кариев Елдос Максатович – Ph.D., доцент вуза Высшей школы социально-гуманитарных наук Международного университета «Астана», Нур-Султан, Казахстан.

Самратова Дана Бактыжановна – Научный сотрудник отдела Научно-исследовательской работы Государственного историко-культурного заповедника-музея «Берел», с. Жамбыл, Катон-Карагайский район, Восточно-Казахстанская область, Республика Казахстан.

Kariyev Yeldos Maksatovich – Ph.D., Associate Professor of the Higher School of Social Sciences and Humanities of the «Astana» International University, Nur-Sultan, Kazakhstan.

Samratova Dana Bakytzhanovna – Scientific Officer of the Department of Research Work of the State Historical and Cultural Reserve-Museum "Berel», Zhambyl village, Katon-Karagay district, East Kazakhstan region, Kazakhstan.